

УДК 61(091)

ББК 5г

П33

В коллаже на обложке использована картина:
И. Е. Репин «Портрет хирурга Н. И. Пирогова». 1881 г.

Пирогов, Николай Иванович.

П33 Академик Пирогов. Избранные сочинения / Н. И. Пирогов ; вступ. ст. А. Л. Мясникова. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 736 с. : ил. — (Доктор Мясников представляет: Антология медицинской мысли).

ISBN 978-5-699-83588-1

«В истории медицины наши соотечественники занимают примерно столько же места, сколько представители всех остальных стран, вместе взятые! Один из самых выдающихся — Николай Иванович Пирогов. Я с молодости восхищался этим человеком. Вам делали когда-либо какую-либо операцию? Без трудов Николая Ивановича все могло пройти не так благополучно!»

Доктор Мясников

Н. И. Пирогов (1810—1881) вошел в историю как человек, сделавший хирургию наукой, открывший в ней новую эпоху. Как же формировался этот мощный характер, откуда взялась эта удивительная сила, позволившая Пирогову стать тем, кем он стал? Вы сможете узнать это из очерка О. Таглиной и самых знаменитых работ ученого, включенных в настоящее академическое издание.

«Прочитать его труд — значит окунуться в непередаваемую атмосферу прошлого, иметь собеседником одного из самых неординарных людей того времени!»

Доктор Мясников

УДК 61(091)

ББК 5г

ISBN 978-5-699-83588-1

© Вступительная статья, А. Л. Мясников

© ООО «Издательство «Э», 2015

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Научно-популярное издание

ДОКТОР МЯСНИКОВ ПРЕДСТАВЛЯЕТ: АНТОЛОГИЯ МЕДИЦИНСКОЙ МЫСЛИ

Пирогов Николай Иванович

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

Директор редакции *Е. Капьев*
Ответственный редактор *О. Шестова*
Художественные редакторы *Е. Задвинская, Н. Слободянюк*
Редактор *Е. Шаповал*
Дизайн и верстка *С. Бабанин*
Технический редактор *Р. Абдуллин*
Корректор *Н. Козырева*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-66-86; 8 (495) 956-39-21.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-66-86; 8 (495) 956-39-21.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 23.09.2015. Формат 84x108 1/32.
Гарнитура «MyslC». Печать офсетная. Усл. печ. л. 38,64.

Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-699-83588-1

9 785699 835881 >

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
один клик до книги

ВСТУПЛЕНИЕ ОТ АЛЕКСАНДРА МЯСНИКОВА

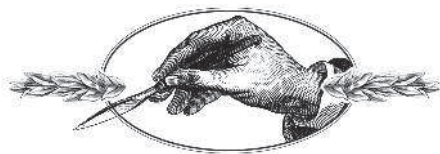
В наши дни особенно хочется гордиться своими великими соотечественниками. Да — глобализация, да — стертые Интернетом границы, да — прогресс для всех... Но Иваны, родства не помнящие, если что стоящее и создадут, то толком распорядиться этим не сумеют! Это сделает за них другие, и далеко не так, как они, возможно, хотели бы!

А уж нам-то есть кого помнить! Абсолютно во всех областях человеческой деятельности. И тем более в медицине! В истории медицины наши соотечественники занимают примерно столько же места, сколько представители всех остальных стран вместе взятые! Да, старт был намного позже, история так сложилась... Когда Амбруаз Паре успешно проводил операции на сосудах и писал основополагающие труды, на Руси опричники Ивана Грозного вытягивали из людей жилы и скармливали их собакам.

Тем более изумляют наши ученые, которые в столь короткий срок смогли заложить принципы развития мировой медицины на много лет вперед!

Один из самых выдающихся — Николай Иванович Пирогов. Я с молодости восхищался этим человеком. Как выпускник Московского медицинского института имени Пирогова я по определению хорошо знал его биографию. Как много выпало совершить этому человеку! Вам делали когда-либо какую-либо операцию? Без трудов Николая Ивановича все могло пройти не так благополучно! Наркоз, само понятие «оперативная хирургия» — источник именно в них! Да, можно сказать, что если бы не он — родился бы кто-нибудь другой. Все так! Но это была бы уже другая история, а в нашей реальности многое в современной медицине стало возможно благодаря гению Пирогова. Прочитать его труд — значит окунуться в непередаваемую атмосферу прошлого, иметь

собеседником одного из самых неординарных людей того времени! Не только ученого. Я в первую очередь преклоняюсь перед Врачом с большой буквы. Даже если забыть о его великих трудах и смелых экспериментах, военный хирург Пирогов в любом случае вошел бы в историю! Кавказ, Крым, Турция... Пирогов спас тысячи солдат! Сколько сможет прооперировать один человек? Кто-то больше, кто-то меньше... А он смог организовать военно-полевую медицину так, что ее тактику и по сей день преподают на всех военных кафедрах! Да, был ершистым, иногда неуживчивым, но всегда честным и принципиальным там, где считал, что это его долг! Сказать на парадной аудиенции Царю правду о плохой организации войск или поехать лечить бунтаря Гарибальди?! Да, куда как проще быть вежливым и политкорректным! Но не такие люди делают историю... А Николай Иванович прочно в нее вошел, он свидетель тех удивительных времен и неотъемлемая их часть. Время, потраченное на чтение этой книги, не пройдет зря, и вы не раз будете ее вспоминать!

СОДЕРЖАНИЕ

О. В. Таглина

НИКОЛАЙ ПИРОГОВ

Биографический очерк

8 *Николай Иванович Пирогов вошел в историю как человек, который сделал хирургию наукой, фактически открыл в ней новую эпоху.*

Н. И. Пирогов

ВОПРОСЫ ЖИЗНИ. ДНЕВНИК СТАРОГО ВРАЧА

Пришел на мысль писать о себе для себя и решившись не издавать в свет о себе ничего при моей жизни, я не прочь, чтобы мои записки обо мне читались, когда меня не будет на свете, и другими. 115

СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ ПИСЬМА

619 *Эти письма, почти все сохранившиеся, конечно, не предназначались к печати. Но они полны подробностями, не потерявшими интереса для многих, и, кроме того, ярко освещают личность самого покойного как хорошего семьянина.*

ОЛЬГА ТАГЛИНА

НИКОЛАЙ ПИРОГОВ

Открывая тексты Николая Ивановича Пирогова, мы невольно задаемся вопросом: «Для кого и с какой целью он писал все это?» И оказываемся совсем не оригинальными, потому что он сам задал себе такой же вопрос и ответил на него: «Для кого и для чего пишу я все это? По совести — в эту минуту только для самого себя, из какой-то внутренней потребности, хотя и без намерения скрывать то, что пишу, от других ... я хочу не только уяснить себе со всех сторон мое мировоззрение, — мне хочется из архива моей памяти вытащить все документы для истории развития моих убеждений: как они после разных метаморфоз сложились и сделались настоящими».

«Беседа с самим собою заманчива», отмечал Пирогов, но больше он ценил диалог с другими, в том числе и с нами, отделенными от него многими десятилетиями. Ему хотелось поделиться чем-то важным, что не уничтожается временем, не исчезает в высоких волнах перемен, не теряет своих смыслов в новых обстоятельствах. Дары Пирогова потомкам разнообразны и удивительны.

Николай Иванович Пирогов был необычайно щедр, подарив нам новую хирургию, фактически открыв в ней новую эпоху. Он создал невероятно точные анатомические атласы,

уникальную технику проведения операций, придумал инструменты, которыми любой хирург может провести операцию хорошо и быстро, совершил революцию в обезболивании, стал основоположником военно-полевой хирургии. А еще он поделился с нами своим мировоззрением, своими убеждениями и нравственными идеалами. «Я скажу, — писал Пирогов, — что истина не стареется, что жизнь без сознательных идеальных стремлений печальна, бесцветна и бесплодна».

Многое сделанное Пироговым как-то растворилось в жизни общества, стало само собой разумеющимся и как бы безымянным. Когда нам накладывают гипс после неудачного спуска с горы на лыжах или падения в гололед, мы не вспоминаем о Пирогове, а ведь это именно он впервые в истории медицины применил гипсовую повязку, что ускорило процесс заживления переломов и избавило пациентов от неправильно срастания конечностей. Тишина в операционных, ставшая возможной благодаря анестезии — это тоже во многом заслуга Пирогова, ведь именно он провел около 10 000 операций под эфирным наркозом, и первым в мире применил эфирный наркоз на поле боя. Да что говорить, его современники-врачи не мыли руки перед операцией! Пирогов заметил, что если больного оперировать вымытыми руками, а рану и бинты дезинфицировать, то все заживает значительно быстрее, и поэтом боролся за внедрение в практику этих правил.

Пирогов был великий практик, но одновременно и глубокий философ, которого интересовали понятия пространства, времени, мышления, познания, истины, смысла жизни. Он видел, что «каждый из нас окружен со всех сторон и с колыбели до могилы мировыми тайнами», и отмечал, что «все разъясняется, все делается понятно — умеи только хорошо обращаться с фактом, умеи зорко наблюдать, изоощрай чувства, научись правильно наблюдать; тогда исчезнут пред тобою чудеса и мистерии природы, и устройство вселенной сделается таким же обыденным фактом, каким сделалось теперь для нас все то, что прежде считалось недоступным и сокровенным ...

и это есть одна из главных современных, наиболее благодетельных и полезнейших иллюзий. Эта иллюзия полезна уже и тем, что направляет все наши умственные силы на предметы, подлежащие самому точному чувственному анализу и исследованию, не давая увлекаться тем, что навсегда для нас должно остаться заповедною тайною».

В. М. Дружин.
Пирогов и матрос.

Скульптурная композиция в музее-усадьбе Вишня. Винница

Он спорил с Пушкиным, противопоставив его строкам свои:

*«Не случайный, не напрасный,
Дар таинственный, прекрасный,
Жизнь, ты с целью мне дана!»*

Николай Иванович Пирогов был человеком целеустремленным, его отличало подвижничество, невероятное трудолюбие, неутомимость в поиске, умение отстаивать свои взгляды, научная принципиальность и честность, умение ставить интересы дела выше личных интересов. Он был не только гениальным ученым, патриархом военно-полевой хирургии и травматологии, выдающимся анатомом, но и крупным организатором военно-медицинской службы, педагогом и общественным деятелем. Он был мужчиной, преданным делу, он знал, что разум человеческий имеет границы, а глупость человеческая безгранична и умел противостоять этой глупости. «Я прожил только семьдесят лет, — в истории человеческого прогресса это один миг, — а сколько я уже пережил систем в медицине и деле воспитания! — писал Пирогов, — Каждое из этих проявлений односторонности ума и фантазии, каждое применялось по нескольку лет на деле, волновало умы современников и сходило потом со своего пьедестала, уступая его другому, не менее одностороннему. Теперь, при появлении новой системы, я мог бы сказать то же, что ответил один старый чиновник Подольской губернии на вопрос нового губернатора:

— Сколько лет служите?

— Честь имел пережить уже двадцать начальников губернии, ваше превосходительство!»

Пирогов считал, что «все, что случается, должно было случиться и не быть не могло. Все случаемое связано неразрывно цепью причин с случившимся». Как же случилось, что жизнь самого Пирогова была такой, а не иной? Как формировался этот невероятно цельный и мощный характер, откуда взялась эта удивительная сила, позволившая Пирогову стать тем, кем он стал?

Николай Иванович Пирогов родился 13 ноября 1810 года в Москве в семье майора Ивана Ивановича Пирогова и его жены Елизаветы Ивановны. Из четырнадцати детей, родившихся в этой семье, большинство умерло в младенчестве. В живых осталось шесть, и Николай был самым младшим из них.

Пирогов с нежностью пишет о родительском доме: «О времени моих воспоминаний, то есть о возрасте, к которому относятся первые мои воспоминания, я сужу из того, что живо помню еще и теперь беличье одеяльце моей кровати, любимую мою кошку Машку, без которой я не мог заснуть, белые розы, приносившиеся моей нянькою из соседнего сада Ярцевой и при моем пробуждении стоявшие уже в стакане воды возле моей кровати; мне было тогда, наверное, не более 7-ми лет; по крайней мере, года 4 отделяют эти воспоминания от других, уже совершенно ясных, относящихся к моему десятилетнему возрасту».

Как видим, поначалу семья жила безбедно. Детей заботливо воспитывали, учили и лечили. С шести лет Николай уже довольно бегло читал. К заболевшим детям вызывали известных врачей, например, профессора Ефрема Осиповича Мухина, который поражал малышей своим необычным видом, уверенным голосом и результатами лечения. Он был добрым волшебником, умевшим творить чудеса. После профессорских визитов детвора целыми днями играла «в лекаря». Роль «знаменитого врача» неизменно играл Николай, а пациентами были братья, сестры, матушка, служанка Прасковья, няня Катерина Михайловна, а иногда и кошка.

Многие постоянные гости семьи Пироговых имели отношение к медицине. Так, Григорий Михайлович Березкин, часто бывавший у Пироговых, служил лекарем. Он был хорошим врачом, интересным собеседником, его латынь поражала энергией, блистала афоризмами и шутками. Березкин подарил Николаю справочник лекарственных растений, и мальчик стал собирать травник — так тогда часто называ-

ли гербарии. Ему было очень интересно узнавать, как и какие растения используются при лечении разных болезней.

Другой частый гость семьи Пироговых — Андрей Михайлович Клаус, весьма известный акушер, прекрасно ладил с детьми, умел понятно объяснять им что-то сложное. Иногда он приносил свой микроскоп и разрешал рассматривать разные препараты. Николай быстро освоил микроскоп, и его просто невозможно было оторвать от этого замечательного прибора, делающего видимым невидимое: «Раскрывался черный ящик, вынимался крошечный блестящий инструмент, брался цветной лепесток с какого-нибудь комнатного растения, отделялся иглою, клался на стеклышко, и все это делалось тихо, чинно, аккуратно, как будто совершалось какое-то священнодействие. Я не сводил глаз с Андрея Михайловича и ждал с замиранием сердца минуты, когда он приглашал взглянуть в его микроскоп.

— Ай-ай-ай, какая прелесть! Отчего это так видно, Андрей Михайлович?

— А это, дружок, тут стекла вставлены, что в 50 раз увеличивают».

Поколение, к которому принадлежал Николай Пирогов, росло на рассказах, легендах, былях и мифах только что отгремевшей войны с Наполеоном. Двенадцатый год тревожил юные умы, мальчишки самозабвенно играли в войну и обязательно побеждали врага, защищая свою Родину. Для Николая Пирогова «рассказы о пожаре Москвы, о Бородинском сражении, о Березине, о взятии Парижа были... колыбельной песнью, детскими сказками... Илиадой и Одиссеей».

В доме майора Ивана Ивановича Пирогова, служившего казначеем в провиантском депо, была библиотека. На полках отцовского шкафа стояли толстые кожаные тома, среди которых были описания путешествий по разным провинциям Российского государства академика Петра Палласа, стихи Жуковского и Державина, поэмы Гомера, басни Крылова, Лафонтена, Эзопа.

**Николай Пирогов во время учебы
в Московском университете.**

Фотография. 1820-е гг.

Юный Николай рано пристрастился к чтению. Одна из первых заинтересовавших его книг была книга «Зрелище вселенная». Представьте себе такую маленькую детскую энциклопедию — восемьдесят иллюстраций в красном сафьяновом переплете с объяснениями к ним на русском, на немецком, на латыни. Короткие рассказы о земле и небе, металлах и камнях, животных и растениях, человеке и его занятиях. Рисунки из своих ранних детских книжек Пирогов помнил потом всю жизнь. Даже в глубокой старости он мог

их описать, так свежи были в его памяти эти зрительные образы. «Чтение детских книг было для меня истинным наслаждением, — признавался Пирогов, — я помню, с каким восторгом я ждал подарка от отца книги: „Зрелище вселенной“, „Золотое зеркало для детей“, „Детский вертоград“, „Детский магнит“, „Пильпаевы и Эзоповы басни“, и все с картинками, читались и прочитывались по несколько раз, и все с аппетитом, как лакомства».

Когда Николай подросток, он сдал экзамен в частный пансион Кряжева. Василий Степанович Кряжев был человеком незаурядным, он написал, перевел и издал множество книг — учебники французского, английского и немецкого языка, арифметику, географию. Василий Степанович был хороший педагог, прекрасно декламировал стихи. Русская словесность стала для Николая любимым уроком, и потом, на протяжении всей жизни его литературный стиль всегда был безупречным,

он писал точно, сжато и образно. «Ни на один урок я не шел так охотно, как в класс Войцеховича, — вспоминал Пирогов, — в нем все было для меня привлекательно. Серьезный, задумчивый, высокий и несколько сутуловатый, с добрыми голубыми глазами, Войцехович (кандидат Московского университета) одушевлялся на уроке так, что одушевлял и нас. Я был, судя по отличным отметкам, которые он мне всегда ставил в классном журнале на уроке, лучшим из его учеников и, должно быть, этим держал на карауле мою внимательность».

Юный Пирогов уже тогда был человеком весьма ответственным. Он завел тетрадь, сшитую из толстой серой с желтизной бумаги. Тетрадь называлась «Посвящение всех моих трудов родителю» и предназначалась в подарок отцу. Николай записывал в нее собственные сочинения в стихах и прозе, переложения прочитанного, а также свои мысли и цитаты из прочитанных им книг.

Пирогов писал, что его детство до 13—14 лет оставило по себе самые приятные воспоминания: «Отец мой служил казначеем в московском провиантском депо; я как теперь вижу его одетым в торжественные дни в мундир с золотыми петлицами на воротнике и обшлагах, в белых штанах, больших ботфортах с длинными шпорами; он имел уже майорский чин, был, как я слышал, отличный счетовод, ездил в собственном экипаже и любил, как все москвичи, гостеприимство».

Семья Пироговых была патриархальной, устоявшейся, крепкой, она казалась вечной — со своими законами и неизменным укладом. Но беды не обходили и ее. На глазах у Николая умерла его сестра, умер от кори брат. Это были первые смерти в жизни мальчика, смерти страшные и непонятные. Брат Николая — Петр — оказался азартен, он играл в карты, делал непосильные для семьи карточные долги. Семья Пироговых мужественно переносила невзгоды, но ее материальное благополучие было разрушено волею случая.

Однажды сослуживец Ивана Ивановича Пирогова повез на Кавказ большие деньги — тридцать тысяч рублей —

Матвей Яковлевич Мудров
(1776—1831)

Один из основателей российской терапевтической школы, военной гигиены, первый директор медицинского факультета Московского университета.

и сбежал вместе с ними. Суд взыскал деньги с Пирогова. Имущество семьи было описано и продано. Для Пироговых пришло время нищеты, которая резко изменила статус семьи и лишила ее привычного уклада жизни. Как ни странно, но неожиданная бедность и крушение семейного уклада помогли появлению великого хирурга Пирогова. И происходило это так.

Из пансиона Николая забрали, поскольку денег для оплаты его обучения не было. Курс в пансионе был рассчитан на шесть лет, Пирогов проучился всего два года и получил документ следующего содержания: «Комиссионера 9-го класса сын Николай Пирогов обучался в пансионе моем с 5 февраля

1822 года катехизису, изъяснению литургии, священной истории, российской грамматике, риторике, латинскому, немецкому и французскому языкам, арифметике, алгебре, геометрии, истории всеобщей и российской, географии, рисованию и танцеванию, с отличным старанием при благонравном поведении... Надворный советник и кавалер Василий Кряжев».

Казалось, что учеба закончилась навсегда... И тут на помощь пришел Ефрем Осипович Мухин, тот самый любимый семейный врач. Он сказал Пирогову-старшему, что сын у него толковый и его надо послать сразу в университет, не доучивая в пансионе, потому что так будет дешевле. Это была явная

авантюра, потому что в университет поступали с шестнадцатью лет, а Николаю было всего четырнадцать. Но другого варианта просто не было.

Нанятый отцом студент-медик Василий Феоктистов стал готовить Николая в университет. Пирогов вспоминал о нем: «Василий Феклыстыч Феклистов — так звали наши домашние студента Феоктистова — доставлял мне также чисто детскую радость. Я детски радовался, что готовлюсь в университет, и занимался прилежно с Феоктистовым; мне доставлял наслаждение и осмотр его медицинских книг — какой-то старинной анатомии с картинками, какой-то терапии с рецептами, но всего более и с каким-то невыразимо приятным трепетом сердца, — это я как будто еще теперь чувствую, — разбирал я принесенный однажды Феоктистовым каталог университетских лекций».

Отец же в это время пошел по канцеляриям — бить челом, совать «под локоток», то есть давать взятки. Благодаря его усилиям 1 сентября 1824 года «по императорскому указу» было удостоверено, что в формулярном списке Ивана Пирогова «значится в числе прочих его детей законно прижитый в обер-офицерском звании сын Николай, имеющий ныне от роду шестнадцать лет». Приписанные два года делали университет реальностью только при условии, что Николай выдержит экзамены. И четырнадцатилетний мальчишка сделал невозможное — он готовился как одержимый и на экзаменах проявил подлинную зрелость и весьма обширные знания. Вот цитата из документов университетского архива: «По назначению господина ректора университета мы испытывали Николая Пирогова, сына комиссионера 9-го класса, в языках и науках, требуемых от вступающих в университет в звание студента, и нашли его способным к слушанию профессорских лекций в сем звании».

Но сам Пирогов был о себе тогдашнем не такого высокого мнения: «Знания были менее чем ограниченные для моего возраста; вкус к искусствам мало развит, только любовь